

УДК 339.137

Зубов В.М., д. э. н., профессор,
член Комитета по кредитным организациям
и финансовым рынкам Госдумы РФ

КОНКУРЕНЦИЯ В БИЗНЕСЕ = КОНКУРЕНЦИЯ В ПОЛИТИКЕ?

*Проблема взаимосвязи конкуренции в экономике и конкуренции в политике, поставленная нашим журналом, вызвала живой отклик. Журнал готовит очередное заседание круглого стола по данной теме. В сегодняшнем номере журнала мы публикуем мнение по данному вопросу **Зубова Валерия Михайловича**, д. э. н., профессора, члена Комитета по кредитным организациям и финансовым рынкам Госдумы РФ.*

Прогресс цивилизаций, которые добивались больших успехов, в основном определен тем, что они выбирали равные возможности для конкуренции личностей вне зависимости от сферы: в экономике, политике, религии. Там, где создавались максимально равные условия, там и достигался наибольший прогресс общества. Это, очевидно, исходный закон прогресса конкуренции. И любые формы монополизма в любой из сфер общественной жизни имеют одинаково негативные последствия.

В последнее время возможности политической конкуренции резко снизились, политика стала менее публичной, и более аппаратной, и, соответственно, общество несет большие издержки. Объяснение этому очевидно: всегда легче выпустить еще один номер известного вида продукции. Выпуск новой продукции зачастую предполагает технологическую перестройку производства, профессиональную переподготовку персонала, изучение рынка. Все это связано с определенными рисками. Та же

ситуация и в политике: легче продублировать то, что уже было. Достаточно вспомнить период конца 70-х начала 80-х годов, очень показательный с точки зрения пренебрежения принципами конкуренции, когда все в политике было ожидаемо: на смену одному генеральному секретарю пришел вполне ожидаемый другой, затем третий, но в силу неожиданности в скорости смен, ситуация дошла и до неожиданностей в определении очередной кандидатуры. Именно в этой ситуации возникает революционность смены как необходимость. Если конкуренция в сферах общественной жизни не является постоянной, долго держится монополизм, то дело, как показывает мировой опыт, заканчивается революцией. При этом стоит заметить, что издержки революционные всегда меньше, чем издержки эволюционной конкуренции.

Всегда есть соблазн, как в экономике, так и в политике, дублировать — повторять удачный опыт. Но понятие «удачный» — историческое; сегодня тот или иной опыт действительно удачный, а завтра — нет.

Известный для сегодняшнего дня факт: фирма *Toyota* обогнала *General Motors*. Все было ожидаемо лет 70. Политика и экономика Соединенных Штатов определялась одной формулой: что выгодно *General Motors*, то выгодно и Америке. Казалось бы эта ситуация незыблема, но сегодня *Toyota* обошла самого большого гиганта *General Motors* — и это классический пример конкуренции. Можно привести и другой пример экономической конкуренции. 10 лет назад японская компания *Nissan* попадает в тяжелейший кризис, практически становится банкротом и впервые обращается за международной помощью. Французы в этой ситуации приобретают пакет акций, причем даже не контрольный, но при этом десантируют в *Nissan* команду своих топ-менеджеров, и через некоторое время *Nissan* вновь становится конкурентоспособной автомобильной компанией.

Та же ситуация и в политике. Что сложилось в сегодняшней политической жизни России? Отсутствие необходимой гибкости и как результат этого, — нерешенность отношений с Китаем, потеря политического веса в Юго-Восточной Азии. Причина этого во многом определяется тем, что один и тот же политический клан управляет страной достаточно длительный период. Фактически не ограничен срок пребывания руководителей на должностях, за исключением Президента. Руководители многих российских регионов по третьему десятку лет руководят вверенными им территориями, и налицо монополизм, «застой» свежих идей, критической самооценки результатов своей деятельности и пр. Например, для меня Лужков Юрий Михайлович начала 90-х годов — это образец, одна из самых ключевых фигур того времени. Но сегодня Москва явно отстает. Прошли годы и, к примеру, жилья в моем родном Красноярске строится уже больше, чем в Москве в расчете на одного жителя, количество автомобилей больше, чем в Москве, а пробок меньше.

Вот показатель того, как легко, даже выдающиеся люди, уходят в застой, потому что, чем дольше монополизировано одно персональное место, тем дольше монополия вокруг. Притока свежих, оригинальных идей нет, нет и эффективных решений, а в политике они должны быть. Вот что значит отсутствие конкуренции. В не столь отдаленное время я, как губернатор Красноярского края, проходил и назначения, и выборы, имел и выигрыши, и проигрыши, но, на мой взгляд, это совершенно естественная среда для политика. Сегодня, слава Богу, практически нет массовых криминальных исходов политической карьеры. Сегодня у политика есть возможность и упасть, и подняться снова. Поэтому для меня конкуренция в политике кажется такой же естественной, как и в экономике.

В свое время, занимаясь научными исследованиями и изучая проблемы конкуренции, я натолкнулся на формулу, которая затем неоднократно подтверждалась практикой: из ста новых продуктов, разрабатываемых в научных лабораториях фирм, на конвейер попадают только десять. Из этих десяти только один продукт приносит прибыль, но она окупает все сто первоначально разрабатываемых. Если вы собираетесь сэкономить на первом этапе, т.е. вместо ста продуктов в разработке находится лишь двадцать, то вы рискуете ни одного конкурентного продукта не получить. Советская экономика была в определенном смысле грешна тем, что не дала миру ни одного нового потребительского продукта. В военной области — да, а в потребительском секторе нет. Зырянов был изобретателем телевизора, но не наша страна при этом стала законодателем нового продукта на рынке. Сикорский изобрел вертолет, но лавры его использования достались другой стране. И таких примеров можно привести множество. Последствия такого явления достаточно просты: естественный застой, естественный кризис производства, экономики в

целом, когда производство ради производства, экономика ради экономики, но при этом без ориентации на человека. Известно, однако, что все в конечном итоге сводится к главному потребителю всех создаваемых благ — человеку.

Аналогичная ситуация и в политике. Законы сменности продуктов и не только материализованных, но и политических продуктов, социальных продуктов — это историческая закономерность.

Предпринимательская среда вообще напрямую зависит от политической конкуренции. Ведь что такое политическая конкуренция? Это моя возможность предъявить к вам те правила, которые вы установили до того, как вы были до меня. И если вы установили такие порядки, при которых люди боятся идти в суд и, причем, идти туда без денег, если прокуратура или налоговая служба весьма произвольно могут принимать решения, касаясь как текущего периода, так и дел десятилетней давности, то и бизнес на это начинает реагировать, придумывать, изобретать ответные шаги. Он выводит центры принятия решений, центры аккумуляции прибыли за пределы той политической системы, которая сложилась. К примеру, выводит за рубеж свои активы. Он якобы продает собственность, но, как известно, в большинстве случаев продает ее самому себе. В этой ситуации малое предпринимательство вообще не развивается, не растет. Ведь все инновации в обществе всегда происходили от малых фирм, именно там, где эти «полусумасшедшие» романтики, суетливые, практически не имеющие необходимых денежных ресурсов, наиболее заинтересованы в том, чтобы развиваться. Однако, как свидетельствует российский опыт, чтобы ему развиваться надо смириться и договориться с регистрационной палатой, с налоговой, с местной администрацией, с пожарниками, с... и так до бесконечности. Когда же малому, развивающемуся бизнесу действительно бизнесом

заниматься? Если бы не было такого монополизма, как сейчас в политике, то вопросы о формировании среднего класса давно бы уже отпали. Слишком много перекачивается идей, ресурсов. Приведу примеры из жизни нашей Госдумы. Какой смысл работать над законом, думать, рассчитывать, прикидывать, анализировать, оценивать, если заранее известен вариант развития событий? Если этот закон поступает от Правительства, то он точно проходит; если от партии, которая имеет большинство голосов, то он имеет шансы пройти; и никаких шансов пройти у закона нет, если он от партии оппозиции, от меньшинства. И эта ситуация иногда абсурдна, иногда опасна. Достаточно вспомнить ситуацию с группой «у.е. законов». Как появилось понятие и термин в обороте — «у.е.»? В начале 90-х годов, в условиях значительной инфляции, коммерсанты, заключая контракт по импорту продукции, вынуждены были указывать в ценниках «доллары». Это не понравилось псевдопатриотам и они, проведя соответствующий закон через Госдуму, запретили выражать цены в магазинах в иностранной валюте. В ответ на эту политическую инициативу, бизнес ответил — «у. е.» В прошлом 2006 году общественная палата, предложила запретить «у. е.» и развернула соответствующую законодательную инициативу. Следует заметить, что далеко не всегда такого рода инициативы оправданны по своим результатам. Нефть, наш главный национальный продукт, измеряется, как известно, в баррелях. Когда речь идет о показателе — 57 долларов за баррель, это понятно всем, но попробуйте перевести в рубли, да за тонну, а заодно ответить на вопрос: зачем столь сложные шаги при столь очевидной простоте нынешнего понимания.

Пример второй: «мигалки». Смысл рассмотрения закона об их отмене и отмене персональных номеров состоял в том, чтобы поставить на дороге в равные условия конкуренции всех автоводителей, сделав

исключения, и это оправданно, для скорой помощи, пожарных и так далее. Когда в пробке стоят все, а машина со спецномером и спецсигналом идет, минуя пробку, усугубляя ее для других, у сидящего в такой машине привилегированного деятеля голова не болит над тем, как эти пробки развязать. Для него данная проблема мало актуальна. Многим памятна существовавшая когда-то в Советском Союзе монополия торговля товарами народного потребления и соответствующая система спецраспределителей. Наряду с этим население имело пустые прилавки магазинов и многометровые очереди. Сегодня данное общественное «неравновесие» переместилось на автомобили.

Пример того, как политика связана с экономикой, можно привести, основываясь на опыте работы Госдумы. Неоднократно предлагалось поставить на обсуждение Госдумы закон о государственном регулировании тарифов естественных монополий. Однако ситуация с его рассмотрением стоит на месте. Почему? Потому что, с одной стороны, партия большинства не может привести контраргументы против его рассмотрения в Госдуме. С другой — публичное обсуждение этого закона добавит ей политических минусов. Так как своего политического продукта нет, партия большинства замораживает предложенный другими продукт и не выпускает закон на публичное обсуждение. В ближайшем будущем заложенные для естественных монополий тарифы вновь явятся шоковой терапией для бизнеса, для населения страны. Еще два года назад мы говорили об энергетической сверхдержаве, сегодня выясняется, что в стране нехватка энергоресурсов, и, не смотря на реформу энергетики, мы вынуждены принимать специальную программу бюджетной поддержки энергетики. Что-то здесь, на мой взгляд, не так. Расстыковка политической дискуссии, политической конкуренции привело к тому, что в экономике стра-

ны серьезный сбой. За привлекательными показателями бюджета стоит тревожная ситуация, у нас действительно необеспеченность энергоресурсами для дальнейшего экономического роста. Поэтому конкуренция в политике не только возможна, она на определенном этапе более важна, чем конкуренция в экономике.

Хотел бы напомнить исторический факт, промышленная революция произошла, как известно, после политико-религиозной революции. Раскол христианства в Европе на две конкурирующие партии: католиков и протестантов дал мощный стимул для развития не только религиозной, но и политической конкуренции. Именно на этом фоне начинается мощная промышленная революция. Причем вне зависимости от природных условий выиграли те страны, которые приняли наиболее передовую по тем временам религию, — протестантские страны Севера и католический Юг. И протестантский Север в то время эту конкуренцию выиграл. Очень показателен пример того, на чем строилось процветание Англии — на принятии парламентом политического решения: использование денег казны на военные или на мирные нужды. Деньги были направлены на промышленность, а не на войну. Следствием этого решения стало длительное лидерство Англии на мировой арене.

Смотрящее вперед общество старается провести как можно более точную грань между политикой и государством. Классический пример той же Англии, где на протяжении многих лет практически не меняется аппарат министерств, включая первых заместителей министров. Неоднократно менялись, к примеру, министры иностранных дел, но при этом первый заместитель министра оставался на своем посту, т.е. он выполнял процедуры, через которые проводились политические решения. Образно выражаясь, человек на капитанском мостике в виде министра определяет направление движения ко-

рабля, а вот, как плыть, уже определяет старпом, боцман и вся команда. Определить направление движения — это политика, а механизм реализации выбранного направления — это государство, государственные институты. Когда в Госдуме принимаются законы — это государственное управление, когда на выборах определяются претенденты во власть, это уже политика. К сожалению, на нашу политику влияют те институты, которые не должны влиять по определению, например прокуратура, Министерство юстиции. Президенту по определению (по Конституции) дано быть одновременно и государственным деятелем, и политиком. Однако правительство не должно быть политическим.

Хотелось бы, чтобы экономика доминировала, а политика основывалась в первую очередь на экономической целесообразности.

Монополии в любом виде, и в экономическом, и в политическом, всегда способствуют неравенству. Если вы очень долго являетесь олигархом, то отрыв ваш от населения все время увеличивается. Если вы все время при власти, то ясно, что ваш клан все время богаче всех остальных. Но если происходит ротация в экономике, где нет олигархата, а есть регулярная смена государственного и корпоративного менеджмента, есть возможность прихода новых собственников на рынок, куда их впускают, а не закрывают перед ними дверь. И если в политике все время идет ротация, то расслоение общества меньше. Именно конкуренция позволяет снижать дифференциацию доходов населения, выравнивая их не искусственно через податки, а естественным путем через создание равных для всех возможностей. Разумеется, в любом обществе всегда должна быть возможность пробиться вверх. Но при этом политическая структура общества должна быть достаточно гибкой, не закостенелой. Это достигается только через полити-

ческую ротацию. Монополизм всегда способствует концентрации доходов.

Гармония между политикой и экономикой возможна. На мой взгляд, Швейцария — эталон для изучения любого политика, любого человека, который готов заниматься управлением государством. Достаточно гармоничные страны — небольшая по масштабам Голландия, Англия, которая территориально более приближена к России. На мой взгляд, то, как решена проблема баланса политики и экономики в Швейцарии действительно представляет особый интерес. Во-первых, рациональное решение национального вопроса — это единственная страна, в которой 4 титульные нации, 4 языка и при этом идеи сепаратизма ни у кого не возникает, ее просто не существует. Во-вторых, как это ни парадоксально, но мало кто знает, кто является на данный момент президентом Швейцарии. Семь человек избираются на семь лет и выполняют по кругу, каждый год меняясь, обязанности президента страны. В-третьих, нам трудно себе представить ситуацию, когда министр финансов страны, выйдя по возрасту на пенсию, становится начальником бензозаправки и сам лично заправляет автомобили. Для большинства наших государственных чиновников это покажется курьезом, но у данного явления есть глубокий философский смысл. Бывший государственный высокопоставленный чиновник, которому наверняка пенсия позволяет, не может сидеть дома, ему скучно, он находит для себя форму общения и общественного участия в жизни. В данном примере лицо не воспринятая бывшим высокопоставленным чиновником элитарность как пожизненная данность, а понимание того, что он живет в стране, где любой труд приветствуется. И это нормально, где человек действительно чувствует себя свободным в выборе вида и рода занятий, не зависимым от социальных мнений и социального чванства. Особо обращает на себя вни-

мание тот факт, что в основе Швейцарской модели экономики заложена политика высоких цен, но при этом доходы должны опережать цены. Тогда доходы служат барьером входа в это цивилизованное общество. У них бедности не может быть по определению. Второй пример — Финляндия. Страна, которая имеет менее выигрышные природные условия, чем Россия. Там нет ни нефти, ни газа. Единственное природное достояние страны — лес. Но при этом население с гордостью выращивает и продает «свой» хлеб, к которому привыкли, который любят. Экономическая невыгода его выращивания — очевидна, на 50% дороже, чем, если бы страна закупала зерно. Но... хлеб их национальное достояние, и этим определяется его ценность. Нельзя не завидовать и тому, что Финляндия — страна, которая ежегодно занимает 1-2 место по рейтингу иннова-

ционности. Значит, есть то, что можно назвать гармонией экономики и политики. На мой взгляд, к числу таких «гармоничных» стран можно отнести Данию, Швецию, Канаду. Безусловно, везде есть проблемы, но их социальная острота по сравнению с нашей страной — несопоставима.

Таким образом, конкуренция и в политике, и в экономике не просто нужна, она чрезвычайно необходима. В результате конкуренции, безусловно, появляются «халтурные» товары, идеи, политическое вранье, но ее результатом являются также и хорошие продукты, и блестящие идеи, и люди, которые реально приносят благо своей стране как в экономике, так и в политике. Другого способа развития, развития без конкуренции сегодня для России нет.

Статья поступила в редакцию 09.09.2007

V. Zubov

Doctor of Economics, Professor,

Member of the Russian State Duma Committee for Loan Institutions and Financial Markets

BUSINESS COMPETITION AND COMPETITION IN POLITICS: EQUALITY SIGN?

An article published in our journal on the parallels between the competition in business and politics evoked a keen response. The editorial board is preparing a round table discussion of the topic. Here we are publishing Professor Zubov's comment on the issue in question.